

С. В. Телепень

**Римская армейская действительность
в отражении Плиния Младшего**

Исследование писем и панегирика Плиния Младшего имеет почти трехвековую традицию. Однако на подлинно научную основу оно было поставлено лишь Т. Моммзенем. Правда, он не всегда критически подходил к вопросу о подлинности писем Плиния¹ и во всяком случае не обратил внимания на сведения по военным вопросам. В России в конце XIX — начале XX в. также появились работы, содержащие анализ творчества писателя, но они немногочисленны и содержат скорее литературоведческий подход². В 1940—50-е гг. ситуация меняется. Показателем этого было издание полного русского перевода Плиния³. Одним из участников данного академического издания В. С. Соколовым в 1956 г. было опубликовано первое и на сегодняшний день единственное в отечественной историографии столь обширное исследование наследия Плиния Младшего⁴. В соответствии со своим названием эта работа посвящена анализу сочинений Плиния как источника по истории культуры Рима эпохи принципата. Справедливости ради следует отметить, что понятие культуры здесь берется в широком контексте: уделено много места исследованию общественного сознания, повседневности. Тем не менее такому важному вопросу, как армейская действительность, и у В. С. Соколова почти не уделено места. Ученый аргументирует это тем, что сам Плиний якобы мало затрагивает данный вопрос⁵. В целом признавая то обстоятельство, что систематизированного изложения по интересующей нас проблеме у Плиния действительно нет, мы тем не менее считаем целесообразным все же обратиться к тем разрозненным упоминаниям, которые у данного автора встречаются.

Прежде всего следует классифицировать информационные компоненты, имеющиеся у Плиния по указанному вопросу. Упоминания об армейских делах можно разделить на несколько групп:

- 1) Глорификация воинских доблестей;
- 2) Переписка по вопросам использования военной силы;
- 3) Сведения о посредничестве Плиния в решении частных проблем воинов;
- 4) Воспоминания Плиния о своей службе в качестве военного трибуна;
- 5) Обращения к лицам, имеющим отношение к военному делу, или упоминание о них;
- 6) Упоминания о конкретных военных событиях.

Как можно заметить, данная классификация условна: одни и те же информационные единицы (упоминания) могут быть одновременно отнесены к разным группам.

Как бы там ни было, воинским доблестям отводится у Плиния особое место в силу приверженности его римской старине, очевидно неотделимой от милитаризма. Плиний пишет: «Я из тех, кто преклоняется перед древними» (Ер. VI. 21.). Как справедливо замечает В. С. Соколов, «с этой точки зрения он делает оценку и правления Траяна»⁶. В панегирике по сути представлена программа поведения для полководца, стремящегося в условиях принципата соответствовать престижному типу республиканского военного вождя. Полководец, в данном случае идеализированный Траян, подобно «древним» Фабианам, Сципионам и Камиллам, наравне с солдатами участвует в военных упражнениях, постоянно заботится о благополучии воинов (Paneg. 13.). Он, довольствуется малым, не знает усталости (Paneg. 14). Он опытен в военном деле и видит заслуги каждого своего солдата (Paneg. 15). Полководец, верный военным традициям патриархального Рима, неустанно укрепляет дисциплину в войске, поддерживает боевой дух солдат (Paneg. 18.). Наконец, что важно для ревнителя старины Плиния, идеальный полководец не использует свою военную власть для произвола в отношении сограждан (Paneg. 20).

Мнение о сервиллизме Плиния существует в науке давно⁷. В самом деле, обращает на себя внимание совпадение подхода Плиния к образу идеального императора с направлением официальной пропаганды Траяна. В 107 г. была выпущена серия монет с изображением всех божеств и сакральных понятий Рима, что должно было свя-

зать существующее правление с «римским мифом». Было произведено копирование тех республиканских денариев, которые пропагандировали *pietas, fides, virtus*, причем в их военном аспекте⁸. Иначе говоря, Плиний участвовал в пропаганде «военно-республиканских» добротетелей трояновой эры. Это обстоятельство позволяет отнести к наследию Плиния как к репрезентативному источнику, отражающему настроения близких императору армейских кругов. О том, что данные настроения существовали в среде офицеров по крайней мере трибунского ранга, говорит то, что и средний командный состав в лице упомянутых Плинием представителей, его знакомых, также стремился на своем уровне соответствовать староримскому эталону (Ер. VII. 25; VIII. 23.).

Совершенно иной характер имеет вторая группа упоминаний, то есть переписка Плиния с Траяном по вопросу использования воинских сил. Эти письма, вошедшие в отдельную, десятую, книгу относятся к периоду наместничества Плиния в провинции Вифиния (111—113 гг.) и характеризуются наибольшей достоверностью среди всего эпистолярного наследия этого автора⁹. Плиний делает запросы императору, следует ли использовать солдат для охраны тюрем (Ер. X. 19.); сообщает о передаче подчиненных ему воинских сил в распоряжение других должностных лиц (Ер. X. 21; 27.); просит разрешить вопрос об обнаруженных среди новобранцев рабах (Ер. X. 29.). Ответы императора как правило содержат мысль о необходимости сохранения армейских контингентов в боевом строю (Ер. X. 20; 22; 28.), об обеспечении чистоты рядов войска (Ер. X. 30.). Непредвзятый характер писем десятой книги, очевидно не подвергавшихся литературной обработке, заставляет серьезно относиться к данным служебным по сути документам.

Столь же достоверными являются ходатайства Плиния за некоторых своих сослуживцев, других воинов, а также их близких (Ер. III. 8; X. 26; 87; 106.). Сюда же можно отнести рекомендацию, данную Плинием своему другу Фабию Валенту (Ер. X. 86В.). Также здесь следует указать на сообщение об участии Плиния в судебном разбирательстве по делу одного военного трибуна и его жены (Ер. VI. 31.). В этой группе в целом содержится ценная информация, характеризующая роль армии в данную эпоху как социообразующего фактора, канала формирования и сохранения многофункциональных социальных, корпоративных связей.

Подобную информационную нагрузку несет четвертая группа. Здесь Плиний довольно отрывочно вспоминает о своей молодости, когда он служил в качестве военного трибуна в III Галльском легионе, стоявшем в Сирии. Несомненно, к этой группе можно отнести одно из названных писем, содержащих ходатайство за сына старого товарища Плиния примипилара Нимфидия Лупа. Причем сын также оказывается офицером — префекта когорты (Ер. X. 87.). Плиний по сути указывает в качестве причины своего особого дружеского расположения к Нимфидию именно обстоятельство совместной военной службы (Ер. VII. 16.). Здесь же мы узнаем, что, находясь в Сирии, Плиний, тогда еще молодой офицер, находил возможность посещать лекции философа Артемидора, с которым даже сдружился (Ер. III. 11.). Это в немалой степени характеризует круг интересов римских офицеров I—II вв. (см. ниже). С другой стороны, - примечательна оценка боевого духа, общего состояния армии времен молодости Плиния. Человек немолодой, он тем не менее скептически отзываясь о них: «И мы в молодости были на военной службе, но в то время (время Домициана — Т. С.) храбрость была в подозрении, а бездеятельность в цене, у вождей не было авторитета, а у солдат послушания; никто не командовал, никто не повиновался; все было разнузданно, спутано, извращено; все вообще следовало скорее забыть, чем запомнить» («*At nos iuvenes suimus quidem in castris; sed quum suspecta virtus, inertia in pretio, quum ducibus auctoritas nulla, nulla militibus verecundia, nusquam imperium, nusquam obsequium, omnia soluta yurbata, atque etiam in contrarium verba, postremo obliuiscenda magis, tenenda*»). Ер. VIII. 14. 7.). Здесь проявилось критическое отношение Плиния к предшествующему политическому режиму. Плиний, подобно Тациту, представитель новой знати, выдвинувшейся при Флавиях¹⁰. Эта знать,

потеряв прежнего хозяина в лице старой династии, которой была обязана своим, вероятно еще не совсем прочным, положением новой элиты, должна была полностью переориентироваться на нового хозяина в лице восходящей династии Антонинов, а в силу этого — отбросить саму память о Флавиях. А.Б.Егоров убедительно развивает мысль о том, что, начиная с Антонинов, императорская власть институционализируется именно благодаря освобождению ее от прежних социальных связей со староримской знатью¹¹. В этой связи на первый взгляд парадоксально выглядит тяга Плиния к авторитету старины. С другой стороны, она объяснима: в ней прояви-

лись гиперкомпенсационные тенденции в самосознании новой знати, составившей опору Антонинов. Но что для нас здесь важно, все эти мотивы могут быть причиной необъективности Плиния в приведенном отрывке.

Еще одна группа упоминаний об армейских делах состоит из различных обращений к лицам, причастным военной службе, а также из упоминаний о них. Из этого круга заслуживает внимания шутивное обращение к какому-то офицеру по имени Сабин, который находит время между повседневными заботами лагерной жизни предаваться чтению (Ер. IX. 2.). Аналогичная информация о нравах римского офицерства содержится в письмах Плиния Мамилиану, вероятно командовавшему войсками в Британии (Ер. IX, 16; 25.).

Последнюю группу сообщений составляют упоминания о военных событиях: о войнах с даками (Ер. VIII. 4), о столкновении с германцами (Ер. II. 7.), о солдатском мятеже (Paneg. 6.). Однако ценность их наименее значительна, особенно в сравнении с материалом по военно-республиканской идеологии траянова правления и перепиской по вопросам использования военной силы.

Таким образом, в эпистолярном наследии Плиния Младшего и его панегирике Траяну содержится в целом довольно разнообразный материал, позволяющий дополнить и оживить наши знания о римской армейской действительности эпохи принципата.

¹ Mommsen T. Zur lebensgeschichte Plinius des Jungeren // Hermes — 1869. Heft Nr. 3. S. 31.

² Соколов В. С. Плиний Младший. Очерк истории римской культуры времен империи. М., 1956. С.18.

³ Плиний Младший. Письма. Панегирик. М.; Л., 1950.

⁴ Соколов В. С. Указ соч.

⁵ Там же. С. 238.

⁶ Там же. С. 182.

⁷ Merivale Ch. Romans under the Empire. L., 1865. P. 26.

⁸ Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С.111.

⁹ Соколов В. С. Указ соч. С. 281.

¹⁰ Grimm Э. Исследование по истории развития императорской власти. Т. II. Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. СПб., 1901. С. 341.

¹¹ Егоров А. Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 203.